

Елена Боришполец

Все выросло из воды и соли

Пчела

А я всегда себе казалась бестелесной.
Ну, в крайнем случае, скалой отвесной.
Вы знаете, как выглядит скала?
И я не знаю, чтобы пальцем указать,
Чтобы сказать, вот видите – скала скалу целует!
Весь день я так могу смотреть, стоять,
Стоять, смотреть, стоять, смотреть могу я,
Как сильный ветер разрывает неба крону,
Как божий гнев не страшен Пантеону,
Пока последняя не умерла пчела,
Пока скалу не предала скала.

Шмель

А. Ботвинову

Мы переходим в состояние травы
и в легкость ковыля,
и в память родовую,
где белобокая сорока
ждет шмеля,
а чернобокая сорока
ждет другую.
Ее все ждут,

когда увидят свет,
и раньше, чем его увидят,
шмеля еще здесь нет,
его уже здесь нет,
и все равно все сложится и выйдет
на свет, на подоконник сна,
на утро наползет крыло из смолы,
сорока белая, как музыка, – одна,
сороку черную спасет от вечной боли.

На земле людей

Ты выйдешь на середину реки.
Решишь, что сильнее льда,
Что кости твои легки,
Что мысли твои – вода.

Что берег полог и пуст,
И там, на земле людей,
Горит невесомый куст
И сходит огонь с ветвей.

А здесь, на большой воде,
Разносится едкий дым,
И в рот заглянув беде,
Ты кажешься молодым.

Но только закрыл глаза,
Глотая речной туман,
Ты – черная полоса,
Ты емкость и котлован.

И если во рту беды
Живет твоя голова,
То рыба, что без воды,
Вдруг выдохнет все слова.

Ты не открывай глаза,
Но свет, зачерпнув рукой,
Вдохни, что не смог сказать,
И рыбу накрой собой.

Воды и соли

Все выросло из воды и соли,
Из мертвых слов, из рыбьего ребра,
Из бога слепоты сквозь бога боли,
Из – ты мне не сестра, до – ты сестра.

Из серой пены, обожженной ветром,
Из кочевых обломков облаков,
Из них в песок вдруг высадился Вертер
И стал бывать у пьяных рыбаков.

И пролежал невидимый, как время,
У маяка невидимых сто лет,
И маятник рубил его колени,
И подал густой и мокрый свет.

Пока тот свет едят на свете этом,
Пока в тумане сушится белье,
Колени забинтовывает Вертер,
Морскую воду на ладони льет.

Невидимки

Меня ждала собака у подъезда,
А я не знала, в чьи иду дома.
Во мне жила межреберная тьма
И стук колес ночного переезда,

Закрытого под шепот ковыля
Под черным небом с красной поволокой,
Под гул страны и бред поводиры
Сквозь воды, омывавшие осоку.

Все слышно мне, и, видимо, не зря –
Невидимой живет моя собака,
И винограда корни-якоря
Выходят из земли, из сна, из мрака.

На этом доме и на том, другом,
Нет номера, нет входа, нет лица.
Никто теперь не охраняет дом,
Никто теперь не ищет беглеца.

Гештальт

Седая дева ждет шаги волхвов
На улице у старого базара,
Ее ладони пахнут колбасой,
Ее помада ничего не значит,

А руки нефти не видали никогда,
И не альпийская текла из глаз вода,
А дева все брала себе задачи.

Так проходила мимо жизнь трусцой
И в узкой полосе степной гуляла,
Там ни базара, ни вай-фая нет,
Там полевые мыши пьют рассвет
И отражаются носы в зеркальных каплях.

Там курят коноплю волхвы
Еще от Рождества Христова,
И всех мышей до смерти помнят совы,
И эту память не пролить из головы.